

УДК 343.1

Доржиева Валентина Владимировна

*магистрант,
кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: 89149805899valentina@mail.ru*

Научный руководитель: Дунаева Марина Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО СТАТУСА

Аннотация. В статье рассматриваются цифровые данные как особый вид доказательственной информации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются особенности правовой природы цифровых данных, их соотношения с традиционными средствами доказывания, а также выделяются проблемы, возникающие при их получении, фиксации, проверке и оценке. Особое внимание уделяется пробелам уголовно-процессуального законодательства, обуславливающим сложности при решении вопросов допустимости, достоверности и сохранности цифровых данных. На основе анализа судебной практики обосновывается вывод о необходимости комплексного нормативного регулирования цифровых данных как доказательств по уголовным делам с учетом развития информационных технологий и правоприменительной практики.

Ключевые слова: доказательства, информация, цифровые данные, цифровые доказательства, уголовное судопроизводство, допустимость доказательств.

Valentina V. Dorzhieva

*Master's Degree Student,
Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: 89149805899valentina@mail.ru*

Scientific Supervisor: Marina S. Dunaeva

*PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

DIGITAL DATA IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL NATURE AND EVIDENTIAL STATUS

Abstract. The article examines digital data as a special type of evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation. It analyzes the legal nature of digital data, its relationship with traditional means of proof, and highlights the challenges that arise in obtaining, recording, verifying, and evaluating digital data. The article also focuses on the gaps in the criminal procedure legislation that create difficulties in determining the admissibility, reliability, and preservation of digital data. Based on the analysis of judicial practice, the article concludes that there is a need for comprehensive regulatory framework for digital data as evidence in criminal cases, taking into account the development of information technology and law enforcement practices.

Keywords: evidence, information, digital data, digital evidence, criminal proceedings, admissibility of evidence.

Цифровизация общественных отношений в Российской Федерации выступает одной из ключевых характеристик современного этапа социального и правового развития и оказывает системное влияние на механизмы правового регулирования и правоприменения. Существенная часть повседневной активности граждан, государства и бизнеса в настоящее время осуществляется с использованием цифровых технологий: электронные коммуникации, банковские и платежные сервисы, безналичные расчеты, получение государственных и муниципальных услуг в электронном виде, хранение и обмен цифровым контентом. По данным социологических исследований, свыше 80 % населения Российской Федерации регулярно используют цифровые технологии в различных сферах жизнедеятельности, что свидетельствует о глубокой трансформации социальной среды и формировании устойчивой цифровой инфраструктуры общественных отношений.

Высокий уровень цифровизации характерен и для публичной сферы. В научных исследованиях степень цифровой трансформации государственного управления оценивается в диапазоне 70–85 %, что подтверждает устойчивую интеграцию информационных технологий в деятельность органов публичной власти. Эти процессы выражаются в развитии электронного правительства, внедрении электронного документооборота, функционировании государственных информационных систем и реестров, аккумулирующих значительные массивы сведений в электронной форме. В результате значительная часть юридически значимых фактов фиксируется и существует не в материальной, а в цифровой среде, что объективно влияет на способы их последующего процессуального использования.

Правоохранительная деятельность также испытывает влияние цифровой трансформации, хотя уровень внедрения цифровых технологий в данной сфере оценивается как умеренный и составляет порядка 55–70 %. Цифровые инструменты применяются при ведении различных учетов, использовании ведомственных информационных систем, фиксации процессуально значимой информации,

а также при получении сведений от операторов связи и цифровых платформ. Именно в рамках уголовного судопроизводства наиболее остро проявляются проблемы, связанные с правовой квалификацией цифровой информации и определением ее доказательственного статуса.

Наиболее высокий уровень цифровизации наблюдается в экономической сфере, где, по экспертным оценкам, доля использования цифровых технологий достигает 80–90 %. Это обуславливает формирование обширных массивов цифровых данных, отражающих финансово-хозяйственную деятельность субъектов, которые нередко приобретают уголовно-правовое значение. Реализация национальных проектов, в том числе проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», рассчитанного до 2030 года, предполагает дальнейшее расширение цифровой инфраструктуры и увеличение объема передаваемой информации. Указанные процессы неизбежно ведут к росту количества цифровых следов, формируемых как в правомерной, так и в противоправной деятельности.

Рост цифровизации общественных отношений сопровождается активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий в преступной деятельности. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России, значительная часть зарегистрированных преступлений совершается с применением цифровых средств. В 2024 году количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, превысило 700 тыс., что свидетельствует о системном характере данной тенденции. Цифровые технологии используются для координации преступных действий через мессенджеры и сетевые сервисы, сокрытия личности с применением VPN-сервисов и анонимайзеров, совершения мошенничества, незаконного оборота информации и персональных данных, а также распространения запрещенного контента. Подобная деятельность неизбежно сопровождается образованием цифровых данных, которые потенциально могут иметь значение для установления обстоятельств преступления.

Несмотря на активное использование цифровых данных в практике расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, в уголовно-процессуальной доктрине отсутствует единый подход к определению их правовой природы. В научной литературе длительное время преобладала позиция, согласно которой цифровая информация не образует самостоятельного вида доказательств и может быть включена в традиционную систему источников доказательственной информации. Сторонники данного подхода исходят из того, что цифровые сведения, зафиксированные на материальном носителе, могут рассматриваться в качестве вещественных доказательств либо иных документов, а потому не требуют специального нормативного закрепления, так согласно Л. В. Головки «содержащийся в ч. 1 ст. 81 УПК РФ перечень приведенных разновидностей вещественных доказательств имеет примерный, но не исчерпывающий характер. Он обозначает лишь наиболее типичные вещественные доказательства, открывая возможность признавать вещественным доказательством любой иной предмет, если он позволяет установить подлежащие доказыванию обстоятельства. Кроме того,

в последние годы особое значение в качестве вещественных доказательств приобрели электронные носители информации, позволяющие тем самым материализовать трудно уловимый в доказывании виртуальный мир. Однако виртуальная информация может быть признана вещественным доказательством только в том случае, когда отражена на материальном носителе, имеющем характер предмета (жесткий или CD-диск, USB-флеш-накопитель, ноутбук, планшетный компьютер и др.)» [1]. Расширительное толкование статьи 74 УПК РФ, по их мнению, позволяет адаптировать действующую доказательственную систему к новым формам информации без ее реформирования.

Вместе с тем в современной уголовно-процессуальной науке все более последовательно обосновывается противоположная позиция, согласно которой цифровые данные обладают специфическими свойствами, не характерными для традиционных доказательств. Отмечается, что цифровая информация может существовать независимо от конкретного материального носителя, характеризуется возможностью многократного копирования без утраты содержания, а также повышенной уязвимостью к изменению и уничтожению. По мнению, В. А. Зацепиной и Е. Ф. Лукьянчиковой предлагается рассматривать «компьютерную информацию в качестве вещественных доказательств – носителем подобной информации является предмет, а доказательственное значение имеют содержание, свойства этого предмета» [2], того же мнения придерживается С. Б. Россинский, согласно которому «вещественным доказательством является предмет, но доказательственное значение имеет лишь сама информация – компьютерная информация, а не ее носитель» [3].

Исходя из практики уголовного судопроизводства, последняя подтверждает наличие проблем, таких как уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит понятий «цифровые данные» и «цифровые доказательства», вследствие чего такие сведения фактически приравниваются к вещественным доказательствам либо к иным документам. Между тем доказательственное значение в ряде случаев имеет не сам материальный объект, а содержащаяся в нем информация. На примере мобильного телефона, само по себе изъятие последнего в рамках расследования позволяет квалифицировать его как вещественное доказательство. Однако доказательственное значение по уголовному делу нередко имеет не столько материальный носитель, сколько размещенная в его памяти цифровая информация – документы, переписка, аудио- и видеозаписи, иные электронные данные. Такие сведения фактически выступают самостоятельным источником доказательств.

Анализ судебных актов апелляционных и кассационных инстанций последних лет показывает, что в вопросе обращения с цифровыми данными вырабатывается достаточно последовательный подход. Для суда имеет значение не столько сам факт изъятия электронного устройства, сколько то, каким образом была организована работа с содержащейся на нем информацией и соблюдены ли процессуальные требования при ее исследовании.

Так, в Определении Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 08.06.2023 по делу № 55-317/2023 обращено внимание на то, что формальная

ссылка в приговоре на протокол осмотра мобильного телефона не подтверждает автоматическую допустимость полученных сведений¹. Суд подчеркнул: информация, извлеченная из устройства, приобретает доказательственное значение лишь тогда, когда она непосредственно исследована в судебном заседании, представлена сторонам и отражена в протоколе судебного разбирательства. Иначе говоря, цифровые данные должны пройти ту же процедуру проверки, что и иные доказательства, с обеспечением принципов непосредственности и состязательности.

Схожая правовая позиция выражена во Втором кассационном суде общей юрисдикции (Определение от 22.06.2023 № 7У-4807/2023 [77-2043/2023]). Суд указал, что сведения цифрового характера, положенные в основу обвинения, не могут рассматриваться как надлежащие доказательства, если они фактически не стали предметом исследования в судебном заседании. Нахождение соответствующей информации в материалах дела само по себе не восполняет отсутствие ее процессуальной проверки в суде².

Представляется, что в указанных решениях прослеживается важное разграничение: электронное устройство выступает вещественным доказательством как материальный носитель, тогда как содержащиеся в нем переписка, файлы, журналы соединений и иные цифровые следы являются самостоятельным объектом оценки. Для придания им доказательственного статуса требуется отдельное процессуальное оформление, предъявление участникам процесса и фиксация результатов исследования в судебном акте.

Таким образом, судебная практика фактически формирует повышенные требования к процедуре обращения с цифровыми данными. Процессуальная корректность их получения и исследования приобретает решающее значение, что свидетельствует о становлении особого стандарта доказывания в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Указанные правовые позиции свидетельствуют о фактическом признании судами особого характера цифровой информации при одновременном отсутствии специализированного нормативного регулирования, что приводит к применению процессуальных норм, разработанных для материальных объектов.

В этой связи принципиальное значение приобретает разграничение понятий «цифровые данные» и «цифровые доказательства». Цифровые данные представляют собой сведения, существующие в электронной форме и возникающие в результате функционирования цифровых устройств, программных средств и информационных систем вне рамок уголовного судопроизводства. Они не обладают доказательственным статусом и лишь потенциально могут содержать информацию, значимую для расследования уголовного дела. Цифровые доказательства формируются не в момент возникновения цифровых данных, а в резуль-

¹ Пятый апелляционный суд общей юрисдикции от 08.06.2023 по делу № 55-317/2023] URL: <https://судебныерешения.рф/75725015>.

² Второй кассационный суд общей юрисдикции от 22.06.2023 по делу № 7У-4807/2023 [77-2043/2023] URL: <https://судебныерешения.рф/76268143>.

тате их включения в уголовно-процессуальную деятельность посредством соблюдения установленного законом порядка получения, фиксации, проверки и оценки. Таким образом, цифровые доказательства следует рассматривать как результат процессуальной трансформации цифровых данных.

Не все цифровые данные могут быть признаны доказательствами по уголовному делу. Ключевым критерием в данном случае выступает допустимость, предполагающая соблюдение процессуальных требований и гарантий, закрепленных уголовно-процессуальным законом (ст. 74 УПК РФ). Цифровые данные, полученные с нарушением закона, не могут использоваться в качестве доказательств, даже при наличии объективной связи с обстоятельствами преступления. С эпистемологической точки зрения цифровые данные выступают первичными следами событий, зафиксированными в цифровой среде, тогда как цифровые доказательства представляют собой интерпретированные и юридически значимые сведения, признанные судом в качестве средства доказывания.

Отсутствие четкого правового статуса цифровых данных свидетельствует о наличии разрыва между цифровой реальностью и материально ориентированной моделью доказательств, закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве. Использование аналогии закона при обращении с цифровой информацией не обеспечивает необходимого уровня правовой определенности и процессуальных гарантий, что создает риски как для эффективности уголовного преследования, так и для соблюдения прав участников процесса. В этой связи представляется обоснованным вывод о необходимости нормативного закрепления цифровых данных в качестве самостоятельного вида доказательств с установлением специальных правил их получения, фиксации, проверки, оценки и обеспечения неизменности.

Цифровая трансформация общественных отношений привела к формированию принципиально нового массива информации, имеющей значение для уголовного судопроизводства. Цифровые данные фактически стали одним из ключевых источников сведений о преступной деятельности, однако их использование в процессе доказывания осуществляется в условиях отсутствия специального нормативного регулирования. Разграничение понятий «цифровые данные» и «цифровые доказательства» имеет фундаментальное значение для теории и практики уголовного процесса, поскольку позволяет выстроить логически непротиворечивую модель доказывания, адекватную условиям цифровой реальности. Представляется, что дальнейшее развитие института доказательств невозможно без адаптации уголовно-процессуальных норм к особенностям цифровой информации, что позволит обеспечить баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав участников уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Головкин А. В. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головкин. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2017. – 1280 с.

2. Зацепина В. А. Необходимость электронных вещественных доказательств в уголовном процессе РФ / В. А. Зацепина, Е. Ф. Лукьянчикова // Проблемы научной мысли. – 2022. – № 12. С. 32–35.

3. Россинский С. Б. О роли вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: мат-лы междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 50-летию образования кафедры уголовного процесса (Краснодар, 17–18 марта 2022 г.) / отв. ред. В. А. Семенцов: в 2 ч. Ч. 2. Краснодар, 2022. С. 102–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48229004>. EDN: <https://elibrary.ru/sjrnw>. С. 105.